

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В «ОЧЕРКАХ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» П. Н. МИЛЮКОВА

В докладе анализируется произведение П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» (1896–1903) как историографический источник, характеризующий этап трансформации структуры исторического знания. Рассматриваются вопросы, связанные с кризисом классической модели исторической науки в конце XIX в., применением междисциплинарного подхода и формой презентации исторического знания.

Ключевые слова: П. Н. Милюков, междисциплинарный подход, культурная история, историографический источник.

The paper analyzes P. N. Milyukov's work "Essays on the history of Russian culture" (1896–1903) as a historiographic source, which characterizes the stage of transformation of the structure of historical knowledge. Questions are considered: the crisis of the classical model of historical science in the late 19th century, the application of an interdisciplinary approach, and the presentation of historical knowledge.

Keywords: P. N. Milyukov, interdisciplinary approach, cultural history, historiographical source.

В данном докладе я проведу историографический анализ исторического произведения П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры», которое с одной стороны, презентует практику применения междисциплинарного подхода, с другой стороны, выступает важным историографическим источником, характеризующим этап трансформации структуры исторического знания рубежа XIX – начала XX в. Реализуя эту задачу я последовательно рассмотрю три вопроса: 1) кризис классической и появление неклассической модели исторической науки, 2) черты неклассической исторической науки и междисциплинарный подход в «Очерках» П.Н. Милюкова, 3) форма презентации исторического знания в «Очерках».

Принцип междисциплинарности в историческом исследовании актуализируется во второй половине XX в., однако сама практика обращения внимания историков к исследованиям, проводимым в социальных и гуманитарных дисциплинах, зарождается еще в конце XIX в. [9, с. 259–261]. В этой связи представляется важным соотнести процесс исторического познания конца XIX – начала XX в. со сменой моделей исторической науки, соответствовавших типам рациональности в истории европейской науки. Дисциплинарность была сформирована классической моделью европейской исторической науки, а нарастание междисциплинарности, сопровождаемое изменением отношения к истории начинается с периода кризиса классической и появления неклассической рациональности, а соответственно и неклассической модели исторической науки.

Анализируя историографический процесс второй половины XIX в. следует отметить, что в рамках классической модели исторической науки уже в третьей четверти столетия национально-государственная история, выстроенная на отобранных «вехах» государственного строительства, перестает удовлетворять некоторых историков, предложивших практики изучения регионов или государства, но не как продукта политической воли, а как «произведения искусства» (*Der Staat <...>, als Kunstwerk*) [см.: 11, октябрь, с. 579-580; 14, т. 1, р. VII, XIV, XLIII-XLIV; 12, с. 3].

В ситуации кризиса классической европейской модели исторической науки конца XIX в. ряд историков стали еще более критически воспринимать политическую историю, лежавшую в основании национально-государственного нарратива. Они обратили внимание на исторические структуры, которые позволяли не разворачивать в тексте привычную линейную последовательность истории, а анализировать отдельные процессы – социальные, культурные, политические и т.д. Появившийся скептицизм по отношению к закономерности исторического процесса и его однонаправленной линейности способствовал пересмотру теоретической схемы позитивизма.

В неклассической модели исторической науки расширяется предметное пространство исторического знания, модифицируются исследовательские проблемы, изменяются исследовательские стратегии, что приводит к институализации направлений исторической науки (например, социальная история, региональная история, культурная история и др.). Научные направления предполагают особый ракурс рассмотрения исторической реальности, поэтому, преодолевая линейность исторического описания, историки прибегают к практике междисциплинарных подходов [7, с. 112].

Представляет интерес, что на рубеже XIX–XX вв. издаются два произведения, позиционировавшие идею изучения национальной истории не через политику, а через культуру. Это «*Deutsche Geschichte*» (in 12 bd. Berlin, 1891–1909) К. Лампрехта (в русском переводе «История германского народа», в 3 т., 1894–1896), и «Очерки по истории русской культуры» (в 3 ч., 2 вып. СПб., 1896–1903, основанные на лекциях, читавшихся в 1892–1895 гг.) П. Н. Милюкова. Для анализа я выбираю именно указанное – первое издание «Очерков», т.к. современные издания (например, 1993 и др.) могут служить историографическим источником для характеристики историографического процесса конца 20 – 30 гг. XX в. (когда «Очерки» были переработаны автором), но не рубежа XIX – начала XX в.

К. Лампрехт изучал историю становления немецкого сознания (боровшегося за свое единство) наряду с политическим развитием Германии. Неслучайно, в «Предисловии» к первому тому «Истории германского народа» российский переводчик указал: «...Вопросы культуры признаются автором равнозначительными, если не более важными, с вопросами политическими...» [5, т. 1, с. III]. К. Лампрехт уделял большое значение нации, именно она, а не государство являлась носителем идеи единства, поэтому и свою работу он предварил словами: «...Характерным признаком настоящего времени можно считать веру в право и в прочность результатов национальных движений. Мы склонны даже думать, что тот народ, который утратил свое национальное сознание, погибнет...» [5, т. 1, с. 2].

Несмотря на присутствие в произведении политической истории (нации) историк сумел удержаться в проблемной области пока еще молодой культурной истории (*Kulturgeschichte*). Он уделит большое внимание вопросам культуры и отдавал приоритет истории духовной жизни общества. Его исследовательская практика строилась на междисциплинарном подходе, – он оказался очень внимателен к такой дисциплине как *психология*. Ее он упомянул и в специальной статье – «Что такое культурная история?» [13].

П. Н. Милюков (не сочувствовавший национализму) начал первую часть «Очерков по истории русской культуры» с сугубо профессионального вопроса – с критики традиционной политической истории [8, ч. 1, с. 1–2]. Российский историк исследовал русское общественное развитие как «русскую культурную историю». Он отказался от линейности в расположении материала и обращал внимание на выделяемые им самим процессы исторического развития.

В «Очерках» П. Н. Милюкова культурная история противопоставляется «прагматической» (политической) истории. «...Сто-

ронники нового направления – писал он, – отмечают, что такая история без собственных имен, без событий, без сражений и войн, без дипломатических хитростей и мирных трактатов, – не только не будет недостоверной, но что она, напротив, будет несравненно достовернее той истории, к которой нас приучали до сих пор историки-повествователи...» [8, ч. 1, с. 3]. «...История “событий”, – продолжал П. Н. Милюков, – отошла на второй план перед историей “быта”, – учреждений и нравов. Изучение *внешней* истории (или, так называемой, прагматической, политической) должно было уступить место изучению *внутренней* (бытовой или культурной)...» [8, ч. 1, с. 3].

П. Н. Милюков заметил трансформацию структуры исторической науки в конце XIX в., которая была связана с появлением нескольких исследовательских практик, которые – позже – в структуре неклассической исторической науки приобретут черты самостоятельных научных направлений. По его мнению, одни историки продолжают считать главным предметом истории – развитие государства, другие, – развитие социальных отношений, третьи, – экономическое развитие. Он предложил свой взгляд на предмет исследования культурной истории: «...“культурная” история <...> обнимает все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и эстетическую...» [8, ч. 1, с. 3].

Среди историков, по замечанию П. Н. Милюкова, нет согласия в вопросе о содержании культурной истории. Они привыкли отделять исследование (описание) материальной культуры от духовной, т.е., по сути, презентировать традиционную историю культуры. В этой связи, П. Н. Милюков задал вопрос: «...Относится ли, действительно <...>, – “материальная” культура к “духовной”, как стены здания к внутренней жизни его обитателей?..» И отвечая на него, написал, что «...современное мировоззрение уже не может более противопоставлять духовную культуру материальной: на ту и другую приходится одинаково смотреть, как на продукт человеческой общечеловечности, как она отразилась в сфере человеческой психики...» [8, ч. 1, с. 1–2].

Исследовательская стратегия автора «Очерков» строится на междисциплинарном подходе, в котором широко представлены *психология, социология и статистика*, при этом, Милюков (как и К. Лампрехт) большое внимание уделит, в первую очередь, – психологии. Рефлексируя о проводимом анализе явлений и факторов, которые оказали на эти явления влияние, историк писал: «...Мы остановимся в этом анализе только тогда, когда дойдем до элементов, известных нам из ближайшей соседней области знания, т.к. когда увидим, что силы, действующие в истории, находят себе объяснение в психологии...» [8, ч. 1, с. 9].

В период кризиса классической и зарождения неклассической модели исторической науки обостряется отношение историков к строго научному и практическому («описательному») характеру исторического знания. В 1891 г. В. С. Иконников заметил, что «...в исторической науке все более утверждается мнение, что история должна стремиться к тому, чтобы *стать точным знанием* [курсив мой – С.М.]...» [2, т. 1, кн. 1, с. 25–26]. В своих «Очерках» Милюков также затрагивает эту проблему, подчеркнув, что «...между научным объяснением культурной истории и практическим приложением результатов такого объяснения к жизни – не может быть ничего среднего...» [8, ч. 1, с. 7].

Выбирая практику, которую он назвал «научное объяснение истории», П. Н. Милюков высказал свое отношение к идее «закономерности исторического процесса». Сразу надо заметить, что он продемонстрировал двойственную позицию по отношению к этому вопросу. С одной стороны, историк уже выражал неприятие эмпирической сути позитивизма, но, с другой стороны, окончательно с ним не разрывал и это можно заметить в его рассуждении: «...признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории. Сложность исторических явлений такова, что несколько не подрывая идеи закономерности, вполне естественно усомниться даже в самом существовании специальных “исторических законов”...» [8, ч. 1, с. 8]. Историк не отказывается от поиска «закономерностей», но они у него выступают в виде «отдельных элементов», которые необходимо выявлять в исторических явлениях.

Свое отношение к «историческому факту» П. Н. Милюков также позиционировал совершенно не в классическом его понимании: «...мы <...> привыкли обозначать исторические про-

цессы и факты условными общими именами, что часто совсем забываем о том, что общее имя и реальный факт суть две разные вещи...» [8, ч. 1, с. 8]. В то же время, в историческом дискурсе П. Н. Милюкова можно выявить присутствующую в сознании историка стадиальную теорию, в ее многоступенчатой разновидности (например, его слова: «на низших ступенях экономического развития») [8, ч. 1, с. 12].

В «Очерках» (как было уже отмечено выше) П. Н. Милюков принципиально противопоставил науку и практическое ее приложение к жизни, поэтому предваряя свое понимание исторических «закономерностей» и исторических «фактов», он дает четкую установку: «...Нам остается теперь изложить наш взгляд на научное объяснение истории...» [8, ч. 1, с. 7]. Данный аспект важен. Дело в том, что мы не найдем научной цели в «Истории России с древнейших времен» (в 29 т.) С. М. Соловьева. Несмотря на то, что его историческое произведение в немалой степени имело исследовательский характер, оно начинается с рефлексии о практическом значении подготовленного национально-государственного нарратива: «...Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной...» [10, т. 1, кн. 1, с. 1]. В третьей четверти XIX в. И. Г. Дройзен также отметил сугубо практическое (а не научное) значение национальных историй: «...Они – и только они – дают государству, народу, армии и т. д. образ самого себя...» [1, с. 499]. А в «Курсе лекций по русской истории» В. О. Ключевского минимизировал «научность» своего труда практическим интересом и «дидактической силой» [4, т. 1, с. 33].

Институционализация одного из направлений неклассической исторической науки – культурная история оказала влияние на рефлексию о ракурсе научного исследования проблем национальной истории П. Н. Милюкова. Источниковедческий анализ «Очерков» как историографического источника позволяет сделать вывод, что историк подготовил научную работу. Презентируя задачу, заключающуюся в получении нового знания (что соответствует цели научного исследования), он написал: «... некоторые данные составляют результат собственных работ и отчасти впервые появляются в печати <...>. «Очерки по истории русской культуры», конечно, не могут дать того, чего нет в самой науке. Но самими своими недостатками они лишней раз подчеркнут пробелы науки и, может быть, помогут установить те точки зрения, которые дают смысл и интерес самому сухому и самому узкому, по-видимому, специальному исследованию...» [8, ч. 1, с. 19].

Позитивизм повлиял на модель исследовательской практики историков. Научное исследование ассоциировалось с добросовестным и критическим отношением к историческим источникам, полнотой источниковой базы (из которой нужно было добывать исторические факты) и основанном на фактах конструировании в первую очередь – политической истории.

П. Н. Милюков в названии своей работы по истории русской культуры указал слово – «очерки» («Очерки по истории русской культуры»). Структура каждого выпуска его произведения представлена именно очерками, например в первой части: «Очерк первый. Население», «Очерк второй. Экономический быт» и т. д. Чем был вызвана такая стратегия конструирования материалов исследования?

Можно предположить, что, выполняя исследование в рамках культурной истории – этого зарождающегося направления неклассической исторической науки, – П. Н. Милюков осознавал, что его произведение не представляет собой привычную для классической модели исторической науки монографию. Историк изучал не одну проблему, а совокупность тем: «... «культурная» история <...> обнимает все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и эстетическую...», причем он их изучал не в линейной перспективе, а в виде синхронных процессов. Это была вполне отрефлексированная позиция историка. «...Цель очерков заключается в сообщении читателям тех основных процессов и явлений, которые характеризуют русскую общественную эволюцию. Составителю казалось, что изображение этих существенных черт русской культурной истории значительно выиграет в ясности и отчетливости, если оставить в стороне хронологические рамки и характеризовать разные стороны исторического процесса в систематическом порядке...», – писал П. Н. Милюков [8, ч. 1, с. 18–19].

Здесь надо заметить, что получившая распространение в российской историографии с 60-х гг. XIX в. практика изучения негосударственного объекта/субъекта исторического процесса, не тождественная государству, – истории отдельной земли (части государства) создала для историков сложность теоретического и источниковедческого характера. Обращение не только к политическим, но и к социальным, а также культурным проблемам не позволяло историкам гарантировать репрезентативность источниковой базы (один из важнейших критериев монографии). Поэтому в самоназвании таких работ мы встречаем слово «очерк» или «очерки» [6, с. 348–349].

Даже учитывая авторскую рефлексию о том, что суть «Очерков» состоит в их общедоступности [8, ч. 1, с. 19], следует не согласиться с П. Н. Милюковым и отметить, что его «Очерки по истории русской культуры» обладают всеми видовыми признаками научного исследования [см.: 3, с. 532–533].

Источниковедческий анализ произведений историков дает возможность прояснить многообразие видов и типов исторического знания и способов его презентации. Присутствие в названии исторического произведения П. Н. Милюкова, как и ряда других историков этого периода, слова «очерки» демонстрирует, что видовая принадлежность не всегда адекватно осмысливалась авторами научных работ, – здесь целеполагание задается системой, историографической культурой эпохи, в рамках которой производился акт историописания.

Такие научные исследования появляются в период трансформации исторического знания, в частности при переходе от модели классической исторической науки к неклассической, но как отдельный вид историографических источников научным сообществом они так и не отрефлексированы.

Литература:

1. Дройзен, И. Г. Историка : лекции об энциклопедии и методологии истории / Иоганн Густав Дройзен. – С-Петербург : Владимир Даль, 2004. – С. 584.
2. Иконников, В. С. Опыт русской историографии / В. С. Иконникова : в 2 т., 4 кн. – Киев : Типогр. Имп. ун-та Св. Владимира, 1891–1908.
3. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская; отв. ред. М. Ф. Румянцева. – Москва : ВШЭ, 2015. – 688 с.
4. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Ч. I. // Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. / под. ред. В. Л. Янина. – Москва : Мысль, 1987–1990.
5. Лампрехт К. История германского народа / Карла Лампрехта : в 3 т. / пер. с нем. П. Николаева. – Москва : Типогр. В. Рихтер, 1894–1896.
6. Маловичко, С. И. Монография и очерк : опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев // Профессия – историк (к юбилею Л. П. Релиной) / Отв. ред. О. В. Воробьева. – Москва : Аквилон, 2017. – С. 337–354.
7. Маловичко, С. И. Структура исторического знания : от дисциплинарности к полидисциплинарности / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Стены и мосты : междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории : материалы Международной науч. конф., Москва, РГГУ, 13–14 июня 2013 г. / отв. ред. Г. Г. Ершова. – Москва : Академический проект, 2014. – С. 109–117.
8. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 ч., 2 вып. / П. Милюков. – С-Петербург : Типогр. И. Н. Скороходова, 1896–1903.
9. Поршнева, О. С. Междисциплинарности принцип / О. С. Поршнева // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. В. Репина. – Москва : Аквилон, 2014. – С. 259–261.
10. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / сочинение Сергея Михайловича Соловьева : в 6 кн., 29 т. – Москва : Т-во «Общественная польза», 1896.
11. Шапов, А. П. Великорусские области и Смутное время (1606 – 1613 г.) / А. Шапов // Отечественные записки. – 1861. – Октябрь. – С. 579–606; – Ноябрь. – С. 79–118.
12. Burckhardt, I. Die Cultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch / von Iacob Burckhardt. – Basel : Druck und Verlag der Schweighauser'schen Verlagsbuchhandlung, 1860. – 579 s.
13. Lamprecht, K. Was ist Kulturgeschichte? Beitrag zu einer empirischen Historik / Karl Lamprecht // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. [Neue Folge] – 1896–1897. – Bd. 1. – S. 75–150.
14. Semichon, E. Histoire de la Ville d'Atmiale, et de ses Seigneurs, Sepuis les Temps Anciens Jusqu'à nos Jours : dans 2 t. – Paris : Auguste Aubry, libraire, 1862.